

Илья Муромец в изгнании и Идолище

Ай во славном было городе во Киеве,
Ай у ласкового князя у Владимира,
Ишше были-жили тут бояра кособрюхие;
Насказали на Илью-ту всё на Муромця, —
Ай такима он словами похваляйтце:
— Я ведь князя-та Владимира повыживу.
Сам я седу-ту во Киёв на ево место,
Сам я буду у его да всё князём княжить.

Ай об этом они с князём прироспорили;
Говорит-то князь Владимир таковы речи:
— Прогоню тебя, Илья, да Илья Муромець,
Прогоню тебя из славного из города из Киёва;
Не ходи ты, Илья Муромець, да в красён Киёв-град.

Говорил-то тут Илья всё таковы слова:
— А ведь при́дет под тебя какá сила неверная,
Хоть неверна-та сила бусурманьская, —
Я тебя тогды хошь из неволюшки не выруцю.

Ай поехал Илья Муромеч в цистó полё,
Из цистá поля отправилсе во город-от во Муром-то,
Ай во то ли во село, село Качáрово,
Как он жить-то ко своёму к отцю, матушки;
Он ведь у отца живет, у матушки,
Он немало и немного живет, три года.
Тут заслыше' ли Идóлишшо проклятоё,
Ище тот ли царíшшо всё неверноё —
Нету, нет Ильи-та Муромця живá три годицька.
Ай как тут стал-то Идóлишшо подумывать,
Он подумывать стал да собиратьце тут;
Насьбирал-то он силы всё тотарьскою,
Он тотарьскою силы, бусурманьчкою,
Насьбирал-то он ведь силу, сам отправилсе.
Подошла сила тотарьска-бусурманьчкая,
Подошла же эта силушка близёхонько
Ко тому она ко городу ко Киеву.

Тут выходит тотарин-от Идóлишшо всё из белá шатра.

Он писал-то ёрлычкí всё скорописчаты,

Посылает он тотарина поганого.

Написал он в ёрлычках всё скорописцятых:

— Я зайду, зайду, Идóлишшо, во Киев-град,

Я ведь выжгу-ту ведь Киев-град, божьí церьквы;

Выбиралсе-то шьтобы́ князь из полатушок:

Я займу, займу полаты белокамянны,

Тольки я пушшу в полаты белокамянны —

Опраксéюшку возьму всё королевисьню;

Я Владимира-та князя я поставлю-ту на кухню-ту,

Я на кухню-ту поставлю на меня варить.

Он тут скоро, тотарин-от, приходит к им,

Он приходит тут-то, тотарин, на широкой двор,

С широкá двора в полаты княженецькия;

Он ведь рубит, кáзнит у придверьницьков всё буйны головы,

Отдавает ёрлычкí-то скорописчаты.

Прочитали ёрлыки скорó, заплакали;

Говорят-то — в ёрлычках да всё описано:

«Выбирайсе, удаляйсе, князь, ты из полатушок,

Наряжайсе ты на кухню варить поваром».

Выбиралсе князь Владимир стольнё-киечькой

Из своих же из полатушек крутёшенько;

Ай скорéшенько Владимир выбирайтце,

Выбирайтце Владимир — сам слезами уливаетце.

Занимает¹ княженевськи всё полатушки,

Хочет взять он Опраксéюшку себе в полатушку;

Говорит-то Опраксеюшка таки речи:

— Уж ты гой еси, Идóлишшо, неверной царь!

Ты поспешь ты меня взять да во свой руки.

Говорит-то ей ведь царь да таковы слова:

— Я увáжу, Опраксéюшка, ешшё два дéницька,

Церез два-то церез дня как будёшь не кнегиной ты,

Не кнегиной будёшь жить, — да всё царицою.

Рознемогсе-то во ту пору казак да Илья Муромець:

Он не мог-то за обедом пообедати;

Розболелось у ево всё ретивó серьцо,

Закипела у ево всё кровь горячая.

Говорит-то всё Илья сам таковы слова:

— Я не знаю, отцево да незамог совсим.
Не могу терпеть жить-то у себя в доми;
Надоть съездить, попроведать во чистó полё,
Надоть съездить, попроведать в красён Киёв-град.

Он сядлал, сбирал своёго всё Белёюшка,
Нарядил скоро своёго ко́ня добро́го;
Сам садилсе-то он скоро на добра́ коня,
Он садилсе во седельшко чиркальскойё,
Он ведь резвы свои ноги в стремёна́ всё клал,
Тут поехал-то Илья наш, Илья Муромец,
Илья Муромец поехал свет-Иванович.
Он приехал тут да во чистó полё,
Из чиста́ поля поехал в красён Киёв-град.
Он оставил-то добра́ коня на широко́м двори,
Он пошел скорó по городу по Киеву,
Он нашел, нашел калику перехожую,
Перехожую калику, перебрóжую,
Попросил-то у калики всё платья́ каличьёго;
Он ведь дал-то ёму платье всё от радости,
От радости скиныва́л калика платьице́,
Он от радости платьё от великою.
Ай пошел скорó Илья тут под окошоцько,
Под окошоцько пришел, к полатам белокамянным;
Закрыцьял же он, Илья-та, во всю го́лову,
Ишше тем ли он ведь крьком богатырьским тут;
Говорил-то Илья да Илья Муромец,
Илья Муромец да сам Ивановичь:
— Ай подай-ко, князь Владимир, мне-ка милостинку,
Ай подай-ко, подай милостинку мне спасёную,
Ты подай, подай мне ради-то Христа, царя небесного,
Ради матери божьёй, царици-богородици.

Говорит-то Илья да Илья Муромец,
Говорит-то он, крыцит всё во второй након:
— Ай подай ты, подай милостину спасёную,
Ай подай-ко-се ты, красно моё солнышко,
Уж ты ласковой, подай, да мой Владимир-князь!
Ай не для-ради подай ты для ково-нибудь,
Ты подай-ко для Ильи ты, Ильи Муромця,
Ильи Муромча, подай, сына Ивановичя.

Тут скорехонько к окошоцьку подходит князь,
Отпирает ёму окошоцько косісцято,
Говорит-то князь да таковы́ реци:
— Уж ты гой еси, калика перехожая,
Перехожа ты калика, переброжая!
Я живу-то всё, калика, не по-прежнему,
Не по-прежнему живу, не по-досельнёму:
Я не смею подать милостинки всё спасёною;
Не дават-то ведь царишшо всё Идóлишшо
Поминать-то он христа, царя небесного,
Во вторых-то поминать да Илью Муромця.
Я живу-то князь — лишился я полат всё белокаменных;
Ай живет у меня поганой Идóлишшо
Во моих-то во полатах белокаменных;
Я варю-то на ево, всё живу поваром,
Подношу-ту я тотарину всё кушаньё.

Закрыцал-то тут Илья да во третей након:

— Ты поди-ко, князь Владимир, ты ко мне выйди,
Не увидели щобы́ царишша повара ево:
Я скажу тебе два тайного словецюшка.

Он скорехонько выходит, князь Владимир наш,
Он выходит на ширóку светлу улоцьку.
— Що ты, красно наше солнышко, похóдело,
Що ты, ласков наш Владимир-князь ты стольнё-киевской?
Я ведь чуть топерь тебя признать могу.

Говорит-то князь Владимир стольнё-киевской:

— Я варю-ту, всё живу за повара;
Похудела-то кнегина Опраксёя-королевисьня,
Она день-от ото дня да всё ищё хуже.
— Уж ты гой еси, мое ты красно солнышко,
Ище ласков князь Владимир стольнё-киевской!
Ты не мог узнать Ильи да Ильи Муромця?
Ведь тут падал Владимир во резвы́ ноги:
— Ты прости, прости, Илья, ты виноватого!

Подымал скорó Илья всё князя из резвы́х он ног,
Обнимал-то он ево своей-то ручкой правою,
Прижимал-то князя Владимира да к ретиву́ серьцю,
Человал-то он его в уста сахáрныя:
— Не тужи-то ты теперь, да красно солнышко!

Я тепере из неволюшки тебя повыручу;
Я пойду теперь к Идóлишшу в полату белокамянну,
Я пойду-ту к ёму на глаза-ти всё,
Я скажу, скажу Идóлишшу поганому:
«Я пришел-то, царь, к тебе всё посмотреть тебя».

Говорит-то тут ведь красно наше солнышко,
Що Владимир-от князь да стольнё-киевської:
— Ты поди, поди к царишшу во полатушки!

Ай заходит тут Илья да во полатушки,
Он заходит-то ведь, говорит да таковы́ слова:
— Ты поганое сидишь да всё Идóлишшо,
Ишше тот ли сидишь да царь неверной ты!
Я пришел, пришел тебя да посмотреть теперь.

Говорит-то всё погано-то Идóлишшо,
Говорит-то тут царишшо-то неверное:
— Ты смотри меня — я не гоню тебя!

Говорит-то тут Илья да Илья Муромець:
— Я пришел-то всё к тебе да скору вес<т>ь принес,
Скору весточку принес, всё вес<т>ь нерадосьню:
Всё Илья-та ведь Муромеч живёхонёк,
Ай живёхонёк он, всё здоровешенёк;
Я встретил всё ево да во чистом поле;
Он осталсе во чистом поле поездить-то,
Що поездить-то ёму да пополяковать,
Заутра́ хочёт приехать в красен Киев-град.

Говорит ему Идолишшо да всё неверной царь:
— Ище велик ли, — я спрощу у тя, калика, — Илья Муромець?
Говорит-то калика-та Илья Муромець:
— Илья Муромеч-то будёт он во мой же рост.

Говорит-то тут Идолишшо, выспрашиват:
— Э по многу ли ест хлеба Илья Муромеч?

Говорит-то калика перехожая:
— Он ведь кушат-то хлеба по единому,
По единому-едному он по ломтю к выти.
— Он по многу ли ведь пьет да пива пьяного?
— Он ведь пьет пива пьяного всёво один пивной стакан.

Росьсмехнулсе тут Идóлишшо поганое:
— Що же, почему вы этим Ильею на Руси-то хвастают?
На долонь его полóжу, я другой прижму:

Остаетце меж руками що одно́ мокро́.

Говорит-то тут калика перехожая:

— Ище ты ведь по многу ли, царь, пьешь и ешь,

Ты ведь пьешь, ты и ешь, да всё ведь кушаёшь?

— Я-то пью-ту, я всё цяроцьку пью пива полтора ведра,

Я всё кушаю хлеба по семи пудов,

Я ведь мяса-та ем — к вы́ти всё быка я съем.

Говорит-то на те речи Илья Муромеч,

Илья Муромеч да сын Ивановиць:

— У моево всё у батюшки родимого

Там была-то всё корова-та обжорьцива,

Она много пила да много ела тут —

У ей скоро ведь брюшина-та тут треснула.

Показалось-то царицу всё не в удовольствии;

Он хватал-то из нагáлища булатен нож,

Он кина́л-то ведь в калику перехожую.

Ай помиловал калику спас пречистой наш:

Отвернулсе-то калика в дру́гу сторону.

Скиныва́л-то Илья шляпу со головушки,

Он ведь ту-ту скиныва́л всё шляпу сорочиньскую,

Он кина́л, кинал в Идо́лишша всё шляпою,

Он ведь кинул — угодил в тотарьску са́му голову;

Улетел же тут тотарин из простенка вон,

Да ведь вылетел тотарин всё на улицу.

Побежал-то Илья Муромеч скорéшенько

Он на ту ли на ширóку, свéтлу улицу,

Он рубил-то всё он тут силу тотарьскую,

Он тотарьску-ту силу, бусурманьчкую;

Он избил-то, изрубил силу великую.

Приказал-то князь Владимир-от звонить всё в большой колокол,

За Илью-то петь обедни-ти с молебнами:

— Не за меня-то молите́, — за Илью за Муромця.

Собирал-то он почёсен пир,

Ай почёсен собирал для Ильи да всё для Муромча.

*(Записано в июле 1899 года в деревне Нижняя Зимняя Золотица от
Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.)*

1 Идолище. (Прим. собирателя).

Беломорские былины, записанные А. Марковым. С предисловием проф.
В. Ф. Миллера. М., 1901.